

Пикуль В. Фаворит. М., АСТ, Вече, 2008. В 2 кн. Кн. I. Его императрица. 606 с. Кн. II. Его Таврида. 606 с.

С. 14. Над унылыми дюнами Померании задували протяжные ветры; была запоздалая весна 1729 года, когда в доме благочестивого принца Христиана Ангальт-Цербстского и его не менее благочестивой супруги Иоганны Елизаветы

в тихую лунную ночь родилась здоровая девочка, которую в честь ее трех теток нарекли по лютеранскому обычаю тройным именем - София Августа Фредерика.

С. 37. Она обещала позвать лютеранского пастора.

- Зачем мне пастор? - сказала ей Фике. - Зовите священника русского.

Я ведь уже считаю себя православной...

После таких слов Елизавета наказала Лестоку:

- Жано, передай лейб-медикам, что, ежели не спасут девку цербстскую, я их заставлю раскаленные сковородки лизать...

С. 140. Эта "дура", повисшая над императорским застольем, эта "дура", о которой посольские курьеры завтра же оповестят все газеты Европы, эта "дура" сделала обед 9 июня 1762 года обедом исторического значения: теперь для захвата престола Екатерине не хватало лишь слабого толчка...

С. 144. За пять верст от Калинкиной деревни их поджидал Гришка Орлов со свежими лошадьми. Екатерина пересела в карету Федора Барятинского, под колесами отгромыхал мостовой настил - впереди лежал досыпающий Петербург.

Сытые княжеские кони рванули в слободу Измайловского полка... Тревога!

Заталкивая в ружья пули, гвардейцы сбегались на плац, возглашая с восторгом:

- Виват Катерина! Веди нас, matka...

С. 151. Наконец из Петергофа прибыл граф Воронцов, дядя фаворитки... Канцлер

стал круто выговаривать Екатерине, что жена не имеет морального права выступать против мужа. Екатерина не пожелала оспаривать его доводов. Она

распахнула окно: все улицы были заставлены шпалерами войск, плясал и гудел народ, в воздухе порхали листы ее манифеста.

- Разве этого мало? - спросила она. - Вы же видите - это сделала не я! Я лишь повинуюсь желанию общенародному...

С. 302-303. "Правда воли монаршей", написанная кнутом и клещами палача, должна была теперь преобразоваться в Наказ императрицы, дабы определить абсолютизм уже не кровью, а едино просвещением писанный. Петр I указы об "общем благе" завершал четкой угрозой - распять, четвертовать, языки отрезать, члены повыдергивать. Елизавета, дочь его, от батюшкиного "общего блага" (изложенного выше) перешла к "матерному попечению" о благе подданных и только с кнутом не могла расстаться! Сложная эволюция "Правды воли монаршей" завершилась сейчас в кабинете Екатерины, воплощенная в ее Наказе, где на новый лад было писано: преступление следует "отвращать более милосердием, нежели кровопролитием", а "слова никогда в преступление не вменяются".

Безжалостно обкрадывая мыслителей века, Екатерина тщательно отбирала лишь нужное для нее самой, для условий, русской жизни, и статьи Наказа

ее не были безделицей! Ангальтское прошлое давно угасло в женщине, в памяти не осталось ничего, кроме штопаных чулок, стаканов с пивом и шлагбаумов среди тюльпанов. Маленькую принцессу Фике ужасали колоссальные раздолья России, но теперь императрица Екатерина II даже пространства русские превратила в беспощадный аргумент для защиты самодержавной власти. Она писала в Наказе, что Россия страна обширная, а потому иной власти иметь не может... Статьи выстраивались в порядке:

§ 11, Всякое иное правление не только было бы России вредно,

но и в конец разорительно"

§ 12. Другая причина та, что лучше повиноваться законам

под одним господином, нежели угождать многим"

§ 13. Какой предлог самодержавного правления? Не тот, чтобы

у людей отнять естественную их вольность, но чтобы действия их направить к получению самого большого ото всех добра...

С. 316. Иногда ей бывало очень неуютно на русском престоле. Все пути-дороги в Германию отрезаны, порою она даже задумывалась: правильно ли отказала в чувствах Понятовскому? На худой конец, могла бы стать королевой Польши...

С. 335. Днем она предстала на тронном возвышении, при всех регалиях власти, в горностаевой мантии, подле нее на столе, крытом малиновым бархатом, лежал ее увесистый Наказ, на одну ступеньку ниже Екатерины стоял вице-канцлер князь Голицын, и он приветствовал разноликую толпу депутатов речью.

С. 517. Всегда излишне самоуверенная, избалованная успехами и всеобщим поклонением Екатерина теперь как-то обмякла, часто ее навещали глубокие обмороки с кровотечением из носа; поддерживая угасающие силы, она злоупотребляла крепчайшим кофе, среди дня беспощадно растирала лицо кусками льда... Только сейчас императрица признала, что в возмущении на Яике повинны не казаки, а сама старшина, угнетавшая казаков; истинные же дела яицкие далеки от докладов графа Захара Чернышева. Князь Вяземский, усугубляя ее тревогу, принес новые вести

55. кн. 2. Отношение ее к людям было чисто утилитарным: встречая нового человека, она пыталась выяснить, на что он годен и каковы его пристрастия.

Всех изученных ею людей императрица держала в запасе, как хранят оружие в арсенале, чтобы в нужный момент извлечь - к действию. Кандидатов на

важные посты Екатерина экзаменовала до трех раз. Если в первой аудиенции он казался глупым, назначала вторую: "Ведь он мог смутиться, а в смущении человек робок". Второе свидание тоже не было решающим - до третьего:

"Может, я сама виновата, вовлекая его в беседы, ему не свойственные, и потому вдругорядь стану с ним поразвязнее..."

357 кн.2. - Дикая страна и нравы дикие! Но самое дикое - сама императрица. Комедия вызывает у нее скуку, в трагедиях она заливается смехом. Ухо ее не

воспринимает очарования мелодий, но из тщеславия она окружает себя лучшими певцами мира. Она могла бы иметь изысканнейший стол в Европе, но ограничивает свои вкусы картофелем с телятиной и паршивым соленым огурцом.